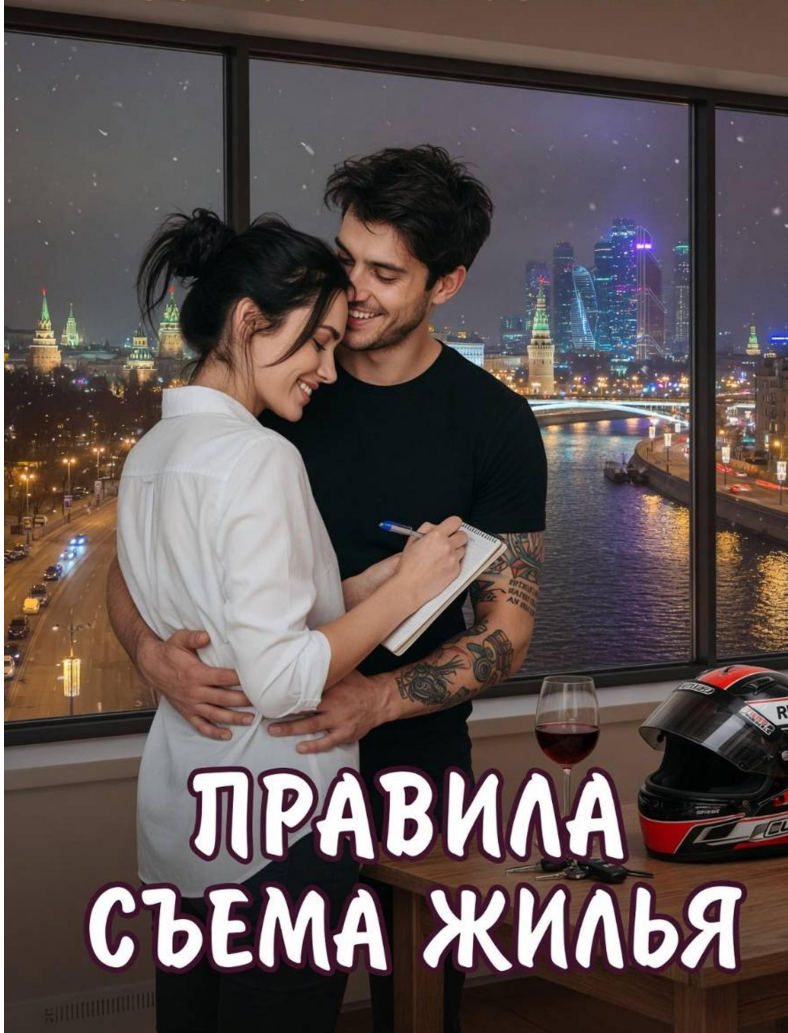

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

ПРАВИЛА
СЪЕМА ЖИЛЬЯ

Надежда Чародейская

Правила съема жилья

<https://litres.ru/74059266>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Сергеева — девушка с чек-листами и железными правилами. Она не верит в любовь, планирует каждый свой шаг и мечтает только об одном — открыть собственный садовый центр. Когда ей попадается невероятно дешёвая квартира в центре Москвы, она не верит своей удаче. Но у идеального жилья есть хозяин — Демид Соколовский, бывший гонщик, циничный, дерзкий и смертельно опасный для любого, кто нарушает его правила.

Условия аренды шокируют: плата — копейки, но по субботам Алиса должна изображать его девушку перед матерью. А ещё запрещено влюбляться в арендодателя. Легко сказать, когда он ходит по квартире без футболки, а его насмешливый взгляд заставляет сердце биться быстрее.

Он — хаос. Она — порядок.

Он — боль, которую прячет за улыбкой. Она — надежда, которую боится потерять.

«Правила съема жилья» — роман о том, как один сумасшедший договор и шопинг в ТЦ способны разрушить любые

барьеры. Идеально для всех, кто верит, что настоящая любовь начинается там, где её меньше всего ждёшь.

Содержание

Глава 1. Квартира с привидением	5
Глава 2. Шопинг для «понарошку»	19
Глава 3. Субботний ужин	30
Глава 4. Фотография, которую нельзя смотреть	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Правила съема жилья

Глава 1. Квартира с привидением

Алиса

Я люблю чек-листы. В них есть честность. Если пункт не выполнен — ты это видишь, не нужно притворяться. В людях такой ясности нет. Люди врут. Особенно мужчины. Особенно мой бывший, который сказал, что «просто задерживается на работе», а на самом деле собирал чемодан, чтобы уехать к своей ассистентке с именем как у породы собак — Мишель.

После этого я дала себе обещание. Никаких спонтанных решений. Никаких «ах, какой у него разрез глаз». Только планы. Только цели.

Я перечитала свой список на этот месяц:

Найти новое жилье (до 15 марта).

Собрать портфолио для гранта на садовый центр.

Заливать фикус по средам и воскресеньям.

Не влюбляться. Пункт жирным шрифтом.

С последним пунктом было проще всего. Я вообще перестала смотреть на мужчин как на потенциальных партнеров. Они для меня теперь — как деревья: есть красивые, есть кривые, но все они в итоге сбрасывают листву. Или изменяют с Мишель.

Я нажала на ссылку, которую скинула риелторша Ирина. Трехкомнатная квартира в центре, панорамные окна, вид на Москву-реку. Цена? Я протерла глаза. Это стоило дешевле, чем моя студия в спальном районе, где по ночам орали пьяные соседи, а трубы гудели так, будто внутри жил огромный металлический червь.

— Ириш, там что, труп лежит? — спросила я, перезванивая. — За такую цену можно купить только привидение в придачу.

— Алис, ты не поверишь, — Ирина понизила голос. — Хозяин — странный тип. Богатый. Говорит, квартира ему надоела, хочет, чтобы там кто-то жил и создавал «атмосферу». Но у него куча тараканов в голове. Требования странные: не шуметь по пятницам, не трогать его шкаф и подпи-

сывать какой-то дурацкий договор.

— То есть он сдает квартиру, но продолжает там жить?

— Нет, он живет в другом месте. Но приходит иногда. Говорит, это его «личное пространство» для отдыха. Короче, если хочешь — сходи посмотри. Мне он сказал: «Пришли самую серьезную девушку, чтобы не ныла». Я сразу про тебя вспомнила.

— Почему это? — нахмурилась я.

— Потому что ты у нас королева порядка, — засмеялась Ирина. — Ты даже на свидание ходишь с блокнотом.

Это была правда. И, надо сказать, меня это устраивало. Блокнот не предаст. Блокнот не скажет: «Ты слишком много работаешь, Алиса, расслабься», а сам в это время флиртует с официанткой.

Я решила, что схожу. Просто из любопытства. Ну и потому, что вид на реку — это моя детская мечта. В детстве мы жили в панельной пятиэтажке, и единственным водоемом была лужа во дворе, в которую вечно падали пьяные. Я мечтала смотреть на воду и думать о чем-то прекрасном. О садах. О растениях, которые не предают.

Квартира находилась в ЖК «Золотая миля». Швейцар на входе посмотрел на мое пальто с ЦУМа образца 2020 года и слегка приподнял бровь, но пропустил.

Когда дверь открылась, я ахнула.

Это было пространство с высотой потолков почти пять метров. Панорамные окна выходили на реку, и Москва казалась игрушечной. Полы — паркет из темного дуба. Стены — бетон и дерево. Стиль лофт, но очень дорогой. Везде стояла современная мебель: итальянские кожаные диваны, дизайнерские светильники, которые стоят, наверное, как моя годовая аренда.

Но...

Посреди этой красоты царил хаос.

На журнальном столике — пустые банки из-под протеина, гоночный шлем с автографом какой-то знаменитости, три пары кроссовок у входа, на кухне в раковине — чашка, из которой, судя по запаху, не мыли её уже неделю, и стопка бумаг, разбросанная по полу у письменного стола.

Я автоматически начала собирать их в стопку. Это уже ре-

флекс. У меня дома всё лежит по алфавиту и цветам. Я взяла один лист — это был контракт на поставку спортивного питания для какой-то сети фитнес-клубов. Подпись: «Демид Соколовский».

— Интересно, ты такой же беспорядок, как твои бумаги?
— прошептала я, аккуратно кладя листы на стол.

И тут меня пронзил звук.

Шаги. Кто-то был в квартире.

Я замерла. Сердце ухнуло в пятки. Ирина сказала, что хозяин будет только через час. А здесь явно кто-то был. Я медленно повернулась в сторону коридора, который вел в спальню, и почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом.

Из спальни вышел он.

Я не сразу увидела лицо. Сначала — плечи. Широкие, будто выточенные скульптором, который любит масштаб. Влажные волосы, на него капает вода. Он был без футболки, только низкие джинсы, сидящие на бедрах так, что у любого анатома случился бы оргазм. В руке он держал черное полотенце и вытирал им голову.

Вода стекала по его животу.

У меня пересохло во рту. Я пыталась что-то сказать, но язык прилип к небу.

Он поднял голову.

Боже.

Я видела красивых мужчин. Я работала ландшафтным архитектором и каждый месяц встречалась с заказчиками-бизнесменами, которые выглядели как с обложек. Но этот был другим.

Темные волосы, мокрые, зачесаны назад. Высокие скулы. Челюсть — квадратная, будто вырубленная из камня. Глаза — карие, почти черные, с хитринкой, но в них читалась усталость. Или цинизм. Или и то и другое.

На левом боку, прямо по ребрам, спускалась татуировка — сложный узор, похожий на ветер или дым. И еще одна — на предплечье, дракон, обвивающий руку до локтя.

Он посмотрел на меня. Медленно. С головы до ног. Я чувствовала себя экземплярном растении, который он оценивал на предмет болезней.

— Ты кто? — голос низкий, с хрипотцой. Такой голос бывает у людей, которые много курили в прошлом или много кричали на гоночных трассах.

— Я... Алиса, — выдавила я. — На просмотр. Риелтор сказала, что вы будете...

— Я передумал. Я буду здесь, — он бросил полотенце на спинку стула и прошел мимо меня, задев плечом. От него пахло дорогим гелем для душа и почему-то мятой. — Ирина — идиотка. Она должна была предупредить, что я принимаю душ.

— Я не знала, — я попятилась к выходу. — Может, зайду позже?

— Стой, — он обернулся. — Раз пришла — смотри. Только не трогай ничего.

Я замерла. Во мне боролись два чувства: желание развернуться и уйти (я терпеть не могу хамов) и желание доказать, что я не какая-то трусиха. Второе победило.

— Я и не собиралась трогать, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — Я вообще аккуратный человек.

Он усмехнулся. Усмешка была кривой, насмешливой.

— Аккуратные люди не ходят с блокнотами и не пишут там, насколько у хозяина грязно.

Я покраснела. Я действительно держала блокнот в руках и, сама того не замечая, уже начала набрасывать заметки: «Пыль на шкафу», «Кроссовки в прихожей — антисанитария».

— Это просто привычка, — буркнула я.

— Какая? Осуждать других?

— Структурировать пространство.

Он подошел ближе. Теперь я видела его глаза в деталях — в них плавали золотые искорки. И, кажется, он был выше меня на целую голову. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на него.

— Мне нравится, — сказал он неожиданно.

— Что?

— Что ты не боишься. Обычно бабы тут млеют и говорят: «Ой, Демид, какая у тебя крутая квартира». А ты — осуждаешь мои кроссовки. Это честно.

— Я не осуждаю. Я просто...

— Просто я не умею врать, — он хмыкнул и отошел к кухне. Открыл холодильник, достал банку холодного чая. — Хочешь?

— Я на просмотре, а не на свидании, — отрезала я.

Он расхохотался. Громко, открыто. Этот смех было слышно даже через панорамные окна, наверное, на другой стороне реки.

— Ну всё, — сказал он, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Ты мне нравишься. Снимай.

Я моргнула.

— Что значит «снимай»? Я даже цену не спросила.

— Тридцать пять, — бросил он.

Я поперхнулась воздухом. Тридцать пять тысяч в месяц за

квартиру, которая в аренду идет за двести. Это или развод, или он псих.

— За тридцать пять я получу призрака в подарок? — спросила я.

— Получишь меня в субботу вечером, — он ухмыльнулся.
— Но не в постели, извини. Есть условия.

Я напряглась. Вот оно. Сейчас он скажет, что я должна буду за это отрабатывать. Я слышала такие истории. «Молодая девушка, дешевое жилье, богатый мужчина».

— Какие условия? — голос мой стал тверже, холоднее.

Он заметил перемену. Что-то мелькнуло в его глазах — уважение? Или разочарование?

— Не ссы, — сказал он, доставая из стола какой-то лист.
— Тут не про секс. Тут про то, что я не выношу, когда трогают мои вещи. Этот шлем, — он кивнул на гоночный шлем, — не трогать. Этот стул, на котором сидел мой отец, — не трогать. По пятницам с восьми до одиннадцати вечера ты сидишь в своей спальне и не выходишь, потому что я буду здесь.

— Зачем? — вырвалось у меня.

Он прищурился.

— У меня тренировки с парнями. Мы смотрим записи гонок. И если кто-то шуршит за дверью — я бешусь.

Я не поверила ни единому слову. Но мне было всё равно. Я смотрела на вид за окном, на реку, на мосты, на огни, которые начинали зажигаться в сумерках. Я думала о своем садовом центре, о том, как долго копила, как мечтала.

— Я подумаю, — сказала я.

— Думай быстрее, — он протянул мне договор. — Завтра в это же время, если не позвонишь, сдам рокеру. Он будет играть по ночам на ударных.

Я взяла лист. На нем было семь пунктов, и шестой гласил: «Не влюбляться в арендодателя (шутка, но проверка на чувство юмора)».

Я фыркнула.

— Очень смешно.

— Не смешно, — вдруг серьезно сказал он. — Ты красивая. Я красивый. Это классика. Если ты влюбишься — я тебя выселю. Усекла?

Я не знала, что ответить. Горло сжалось от возмущения и — странно — от какой-то теплой волны. Он сказал, что я красивая. И сказал это так, будто это был просто факт, как то, что небо синее, а трава зеленая.

— Не переживайте, Демид, — я выдернула у него из руки договор и сунула в сумку. — Моё сердце застраховано от таких, как вы.

Я вышла из квартиры, но на лестничной площадке остановилась. Сделала глубокий вдох. Дрожала. И от холода, и от него.

Что за человек? Откуда у него этот взгляд? Почему он пахнет так, что я теперь буду чувствовать этот запах везде?

Я набрала Ирине.

— Ир, скажи мне честно. Он кто вообще?

— Демид Соколовский, — сказала Ирина с придыханием. — Бывший гонщик. А теперь тренер. У него своя сеть сту-

дий. Но это не всё. Он наследник «СоколТранс» — логистической империи. Его отец умер, брат разбился на трассе... он теперь один управляет бизнесом, но делает вид, что ему плевать. А еще он псих. В хорошем смысле.

Псих. Это точно.

Я пришла домой, села на свою узкую кровать, открыла договор и перечитала его десять раз. Там была приписка, которую я не заметила в квартире: мелким шрифтом внизу.

«Дополнительное обязательство арендатора: в рамках поддержания социального статуса арендодателя, арендатор обязуется сопровождать арендодателя на семейных мероприятиях (ужины по субботам, праздники) в образе его девушки. Оплата — 10 000 рублей за выход. Отказ — расторжение договора».

Я рассмеялась. Громко. Одна в пустой комнате.

Он что, совсем больной? Он хочет, чтобы я играла его невесту перед мамой? Зачем?

Я взяла телефон и написала ему в WhatsApp, который был указан в договоре.

Алиса: Вы не указали главный пункт. Гардероб для субботних ужинов оплачиваете вы?

Через минуту пришла эсэмэска.

Демид: Ты в игре?

Алиса: Только если вы купите мне платье. Серое. Скучное. Чтобы ваша мама поняла, что вы не умеете выбирать женщин.

Демид: Договорились. Завтра в 10 утра у ТЦ «Атриум». Не опаздывай. Я ненавижу ждать.

Я не ответила. Я просто лежала и смотрела в потолок. Фигус стоял в углу, молча осуждал меня. Я сказала ему вслух:

— Это просто бизнес. Я не влюблюсь. Никогда.

Фигус промолчал. Он был умнее меня.

Глава 2. Шопинг для «понарошку»

Демид

Я не спал всю ночь.

И дело было не в том, что я переживал о контракте или о новой студии, которую открывал на Павелецкой. Я думал о ней.

Алиса. Какое дурацкое имя, в котором слышится что-то из детских сказок. Алиса в стране чудес. Или в стране беспорядка. В моей квартире.

Она появилась неожиданно, когда я выходил из душа. Я обычно терпеть не могу, когда кто-то приходит без предупреждения. Но когда я увидел её, стоящую в центре гостиной с этим чертовым блокнотом и собранным пучком волос на голове, я забыл, что хотел сказать.

Она была маленькой. Хрупкой. Но глаза — огромные, серо-голубые, как зимнее небо, — смотрели на меня так, будто я был грязным пятном на ее идеальной скатерти.

Меня это зацепило.

Я привык, что женщины смотрят на меня с вождением или с расчетом. Моя фамилия — Соколовский — открывает любые двери. Мой счет в банке — это больше, чем у половины футболистов. Моё тело — я работал над ним пятнадцать лет, чтобы выжить после аварии, чтобы снова ходить, бегать, жить.

Но она смотрела на меня как на проблему.

Проблему, которую надо решить. Записать в блокнот. Вычеркнуть.

Это было чертовски освежающе.

Я до сих пор помнил, как она сказала: «Моё сердце застраховано от таких, как вы». С каким ледяным спокойствием. Я почти поверил.

Почти.

Но я видел, как дрогнули её пальцы, когда она брала договор. Я видел, как она покраснела, когда я стоял перед ней без футболки. Я видел это в каждой женщине — ту искру, которую они прячут за словами.

Но в ней эта искра была другой. Не «хочу тебя». А «хочу доказать, что ты мне не нужен».

Я усмехнулся, глядя в потолок. В три часа ночи.

— Демид, ты идиот, — сказал я себе вслух. — Ты сам придумал этот дурацкий договор про невесту, чтобы привязать её к себе. Зачем?

Но я знал зачем.

Мне надоели светские инста-дивы, которые соглашались на мои субботние ужины с мамой за шопинг в бутиках. Они были пустыми. Они спрашивали: «Демид, а у тебя есть яхта?» Или: «Демид, а почему ты не в Формуле? Ты же такой талантливый».

Они не знали, что Формула убила моего брата. Они не знали, что я сам едва не сдох на той трассе.

А Алиса — она была живой. Она возмущалась. Она критиковала мои кроссовки. Она была настоящей, даже когда пыталась казаться ледяной.

В 8 утра я уже стоял в «Атриуме», в отделе, где продают

дорогие платья. Продавщицы суетились вокруг меня, предлагали кофе, но я ждал.

Она опоздала на пять минут.

Я это ненавижу. Но когда она вошла, я забыл о ненависти.

На ней было темно-синее пальто, шарф, завязанный идеальным узлом, сапоги на низком каблуке. Она выглядела как учительница младших классов, которая идет на родительское собрание. И это было так уютно, что у меня защемило в груди.

— Вы не выбрали ничего? — спросила она, оглядывая пустые вешалки. — Я думала, вы уже всё купили.

— Без тебя не хотел, — ответил я.

Она фыркнула.

— Не надо говорить комплименты. Это всё равно не работает.

— Это не комплимент, Алиса. Я просто не умею выбирать тряпки.

Она подошла к вешалке и начала перебирать платья. Серьезно. Сосредоточенно. Будто решала уравнение. Потом взяла два — серое и бордовое — и скрылась в примерочной.

Я ждал.

Из кабинки вылетело серое.

— Это слишком уныло, — крикнула она. — Мама скажет, что у меня депрессия.

— А бордовое?

Молчание. Потом она вышла.

Бордовое платье сидело на ней идеально. До колен, с открытой спиной (насколько открытой — она повернулась, и я увидел лопатки, тонкие, изящные). Волосы она распустила, и они падали на плечи мягкой волной.

Я не дышал.

— Ну? — она покрутилась. — Похоже на сваху?

— Похоже на невесту, — вырвалось у меня.

Она замерла.

— Очень смешно, Демид. Я серьёзно. Твоя мама должна понять, что я — скучный проект, который ты взял, потому что не нашел ничего лучше.

— Моя мама — психотерапевт, — сказал я, подходя ближе. — Она видит людей насквозь. Если ты наденешь серое и будешь скучать — она поймет, что это фальшь. Ты должна играть так, чтобы она поверила. Значит, ты должна быть... интересной.

— Интересной?

— Да, — я взял её за плечи и развернул к зеркалу. — Ты должна смотреть на меня так, будто я — центр твоей вселенной. Будто я единственный мужчина, который у тебя есть.

В зеркале я видел её глаза. Широкие, растерянные. Она смотрела на моё отражение и, кажется, забыла, как дышать.

— Это игра, — прошептала она.

— Я знаю, — так же тихо ответил я. — Но играть нужно хорошо.

Я отпустил её. Сделал шаг назад. Холодный воздух во-
рвался между нами.

— Я покупаю это платье, — сказал я. — И туфли вон те,
бежевые. И клатч.

— Демид, я не могу...

— Можешь. Я плачу. А ты просто будь собой. Только
чуть-чуть мягче.

Мы вышли из бутика. Я нёс пакеты, она шла рядом, мол-
чаливая. Я чувствовал её напряжение.

— У тебя есть парень? — вдруг спросил я.

— Нет.

— Почему? — я нарочно провоцировал её, чтобы уви-
деть, как она злится.

— Потому что я не ищу, — ответила она ледяным тоном.

— Ищу только квартиру. Надолго. Чтобы был вид на реку.

— С видом на реку будет, — кивнул я. — Но знаешь, что
еще у меня есть?

— Что?

— Вид на закат. С крыши. Я иногда сижу там, пью виски и думаю. Если хочешь — как-нибудь поднимусь. Я покажу тебе.

Она остановилась. Посмотрела на меня так, будто я предложил ей прыгнуть в прорубь.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Слишком быстрый. Мы знакомы сутки, а ты уже говоришь о закатах и виски.

— Я привык жить быстро, — я улыбнулся. — Гонка. Успех. Смерть. Всё это происходит мгновенно. Если я хочу что-то сделать — я делаю это.

— И что ты хочешь сделать сейчас?

Я наклонился к её уху. Прошептал так тихо, чтобы слышала только она:

— Понять, почему ты смотришь на меня как на врага, хотя я тебе ничего плохого не сделал.

Она вздрогнула. Я видел, как побежали мурашки по её шее.

— Вы купили мне платье, — сказала она, отстраняясь. — Это не делает нас друзьями. И завтра на ужине я буду играть. Но когда я уйду — я уйду в свою комнату и запру дверь. Это ясно?

— Кристально, — я поднял руки в примирительном жесте. — Но знаешь, что я понял?

— Что?

— Что ты боишься.

Она побледнела.

— Чего?

— Меня. И себя. Того, что я тебе нравлюсь.

Она развернулась и пошла к выходу. Быстро, чеканя шаг. Я не побежал за ней. Просто смотрел, как она уходит, и улы-

бался.

— Ты проиграешь, Алиса, — сказал я тихо. — Все проигрывают в этой игре.

Алиса

Я вышла из ТЦ и почти бегом направилась к метро. В голове шумело. Он сказал: «Ты боишься, что я тебе нравлюсь».

Чушь. Полная чушь!

Мне не может нравиться человек, который разбрасывает кроссовки и пьет холодный чай прямо из банки. Который смотрит на меня так, будто я — его новая игрушка.

Но почему тогда я всё еще чувствовала его руки на своих плечах? Почему я помню запах его геля — мята и что-то древесное, что-то горячее?

Я села в вагон и прикрыла глаза. Нет. Я не влюблюсь. Я дала себе слово. У меня есть план:

Получить квартиру.

Копить деньги на садовый центр.

Получить грант.

Сменить номер.

Демид Соколовский в моём плане не фигурирует. Он просто шум. Просто статист. Просто человек, который платит мне за игру.

Завтра ужин. Я надену бордовое платье и буду смотреть на него так, будто он мой герой. А потом уйду.

Ничего не случится.

Я повторяла это как мантру. Но почему-то внутри всё сжималось, когда я думала о том, как он наклонился к моему уху и прошептал:

«Понять, почему ты смотришь на меня как на врага».

Может быть, потому что врагов легче ненавидеть? А ненависть легче, чем страх? Страх, что я всё-таки... упаду.

Глава 3. Субботний ужин

Алиса

Суббота наступила слишком быстро.

Я готовилась так, будто шла на экзамен. Нанесла легкий макияж — всё по правилам: тональный крем, тушь, легкие тени. Ничего вызывающего. Платье сидело идеально, но я чувствовала себя в нём чужой. Оно стоило как моя месячная стипендия из университета, когда я училась. Я не привыкла к такой роскоши.

— Ты просто актриса, — сказала я своему отражению. — Просто актриса.

Я приехала в ресторан «Грандъ» на пять минут раньше. Демид уже был там. Сидел за столиком у окна, в черном костюме, без галстука, расстегнутая рубашка на две пуговицы.

Он выглядел как мужчина, который знает, что черный цвет ему идёт. Или ему идёт всё.

Увидев меня, он встал. Не просто встал, а так, будто был

чертовски рад меня видеть. Подошёл, взял за руку, прикоснулся губами к запястью (это было в плане? мы не репетировали!).

— Ты прекрасна, — сказал он громко, на весь ресторан.

Я покраснела до корней волос.

— Демид, мы же договаривались...

— Я играю, — он улыбнулся, усаживая меня. — Ты тоже играй.

И тут я увидела её. Женщину лет пятидесяти пяти, с короткой стрижкой, в белом костюме, идеальной осанкой и глазами, которые всё видят. Татьяна Соколовская — его мать.

Она смотрела на меня с легкой улыбкой. Но глаза... глаза сканировали.

— Алиса, — она протянула мне руку. — Демид мне о вас рассказывал.

— И что же он рассказывал? — я улыбнулась в ответ.

Она сделала паузу. Посмотрела на сына. Тот сидел с невозмутимым лицом, разглядывая меню.

— Что вы ландшафтный архитектор. Что любите порядок. И что вы — первый человек, который сказал ему в лицо, что он неряха, — Татьяна рассмеялась. — Я сразу поняла, что вы мне понравитесь.

— Мам, — Демид поднял глаза. — Я устал слышать, что я неряха. Вы сговорились?

— Мы просто говорим правду, — ответила Татьяна и перевела взгляд на меня. — Дочка, вы знаете, что он сам придумал этот контракт с арендой?

Я поперхнулась водой.

— Что?

— Ну, вы же подписали его? Он всё уши прожужжал мне, что нашел идеальную квартирантку. И заодно — идеальную девушку для субботних ужинов.

Я посмотрела на Демида. Его лицо было каменным.

— Мам, давай без подробностей, — сказал он тихо.

— Почему? — Татьяна улыбнулась мне как заговорщица.
— Я хочу, чтобы Алиса знала: я в курсе этой игры. И я хочу сказать ей спасибо.

— За что? — выдохнула я.

— За то, что вы согласились. Мой сын — сложный человек. Он никогда не приводит кого-то всерьёз. А вас он привел. Даже если понарошку — я вижу, как он на вас смотрит.

Я перевела взгляд на Демида. Он смотрел на меня с каким-то странным выражением. Не насмешливым. Не циничным. А... теплым? Или я себе это придумала?

— Давайте закажем вино, — сказал он резко, переводя тему. — Алиса, ты любишь красное?

— Я предпочитаю белое, — ответила я, чувствуя, что внутри что-то меняется.

— Тогда два бокала белого, — кивнул он официанту.

Мы заказали еду. Ужин проходил легко, что было странно. Татьяна Соколовская оказалась удивительно простой женщиной. Она рассказывала о своих пациентах, о том, как

один из них, миллиардер, боялся пауков, и все смеялись.

Демид сидел рядом. Очень близко. Его рука иногда касалась моей — когда он тянулся за хлебом, когда поправлял салфетку. Каждое прикосновение прожигало кожу.

Я играла. Я улыбалась, смеялась, задавала вопросы. Я положила ладонь на его руку, когда он рассказывал про свою студию, и он накрыл мою ладонь своей.

Всё было как в кино.

Но когда Татьяна ушла в дамскую комнату, он убрал руку и сказал тихо:

— Ты хорошо играешь.

— Спасибо, — ответила я, чувствуя пустоту на месте его пальцев. — Ты тоже.

— Моя мама тебя купила.

— Что?

— Она сказала, что ты мне нравишься. Это правда.

Я замерла. Сердце ухнуло куда-то в пятки.

— Демид...

— Я знаю, — он вздохнул. — Это всего лишь игра. Просто я хотел, чтобы ты знала: если это перестанет быть игрой — я не против.

— Это всегда будет игрой, — сказала я быстро. Слишком быстро. — У нас договор. Квартира. Плата. Всё.

Он усмехнулся.

— Ты так уверена?

Я не ответила. Потому что Татьяна вернулась, и мы снова начали улыбаться, смеяться, быть идеальной парой.

Но внутри меня всё дрожало. Он сказал: «Если перестанет быть игрой — я не против».

Что это значит? Он серьёзно? Или это опять его манера — говорить двусмысленности, сбивать с толку?

Я ушла из ресторана в полночь. Демид вызвал такси, открыл дверь, помог сесть.

— До завтра, — сказал он, глядя на меня сверху вниз.

— До завтра, — кивнула я.

— Алиса.

— Что?

— Ты сегодня была... — он запнулся. — Не как актриса. Как настоящая.

Он закрыл дверцу.

Я ехала домой и смотрела на ночную Москву. Стекло было холодным, я прижалась к нему лбом. В голове крутились его слова. Его взгляд. Его рука на моей ладони.

Я не влюблюсь. Я повторяла это снова и снова.

Но когда я зашла в квартиру — в его квартиру — я увидела на кухне записку.

Он оставил её до ужина, наверное.

«Кофе в верхнем шкафчике. Не тот, что в банке — тот

мой. А этот — твой. Ты сказала, что любишь с молоком. Я купил. Д.»

Я стояла посреди кухни и смотрела на банку кофе. Просто банка. Кофе с молоком. Мелочь.

Но я не могла сдержать улыбку.

— Чёрт, — прошептала я в тишину. — Чёрт, Демид. Ты нечестно играешь.

Я заварила кофе и села на подоконник, глядя на реку. Вкус был странным — горьким, но сладким одновременно. Как он. Как вся эта ситуация.

Я знала, что проигрываю. Но я не хотела признаваться себе в этом.

Завтра я поставлю стену.

А пока — я просто пью кофе и смотрю на его город.

Глава 4. Фотография, которую нельзя смотреть

Алиса

Я проснулась в своей новой комнате и первую минуту не понимала, где я.

Высокий потолок. Светлые стены. Огромное окно, в которое лился солнечный свет, отражаясь от реки и создавая на полу танцующие блики. Это была не моя студия с ободранными обоями. Это был... рай.

Я села на кровати и посмотрела на чашку из-под кофе на тумбочке. Вчерашний вечер. Его записка. Его рука на моей ладони. Я провела пальцами по губам, вспоминая, как он смотрел на меня, когда я уходила.

— Прекрати, — сказала я себе вслух. — Это просто гормоны. Ты давно не была с мужчинами, вот и реагируешь на любого более-менее живого.

Но внутри я знала: «любой» тут не подходит. Демид не

был «любим». Он был исключением из всех моих правил.

Я встала, надела халат, прошла в ванную. Огромная ванная с джакузи, в которой я купалась вчера с пеной, как в каком-то спа-салоне. Я жила в отеле. В бесплатном (почти) отеле.

На кухне я снова открыла банку с кофе, который он купил. «Твой», — написано на стикере от руки. Я улыбнулась, но тут же одернула себя.

— Не смей. Не смей таять. Это просто кофе. Бизнесмен купил кофе. Кофе стоит двести рублей, а квартира сэкономила тебе сто тысяч в месяц. Всё логично.

Я заварила напиток и пошла в гостиную.

Было воскресенье. Демид сказал, что уезжает на выходные в свой загородный дом, так что квартира полностью моя. Я могла делать что хочу. И я решила... навести порядок. Немного. Ну как немного? Я не могла смотреть на этот бардак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.